

Кэтрин Терстон

Член парламента

Кэтрин Терстон
Член парламента

«Public Domain»

1904

Терстон К. С.

Член парламента / К. С. Терстон — «Public Domain», 1904

«Вечером 23-го января, некоторые улицы Лондона покрылись таким непроницаемым туманом, какого не бывало уже много лет. Это само по себе незначительное явление природы оказало, однако, очень большое влияние на судьбу члена палаты общин, представителя Ист-Варка – такое же, как и пограничное восстание против Персии, поднявшееся в Хоросанской области. Первые известия об этом восстании пришли тоже к вечеру 23-го января, и к ним отнеслись сначала с недоверием и даже со смехом...»

Содержание

I.	6
II.	12
III.	16
IV.	22
V.	26
VI.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кэтрин Терстон

Член парламента

Catherine Cecil Thurston. John Chilcote. M. P. – London, 1906.

* * *

I.

Вечером 23-го января, некоторые улицы Лондона покрылись таким непроницаемым туманом, какого не бывало уже много лет. Это само по себе незначительное явление природы оказало, однако, очень большое влияние на судьбу члена палаты общин, представителя Ист-Варка – такое же, как и пограничное восстание против Персии, поднявшееся в Хоросанской области. Первые известия об этом восстании пришли тоже к вечеру 23-го января, и к ним отнеслись сначала с недоверием и даже со смехом.

В восемь часов вечера эта новость стала распространяться в палате общин, часов в девять об этом уже говорили депутаты в кулуарах; речь шла, однако, не только о политике России, которая, при наружных симпатиях к шаху, на самом деле тайно разжигала мятеж; главным образом говорили о том, что «Saint Georges Gazette» – вечерняя газета ториев – отнеслась к этому событию серьезно и выступила с резким осуждением правительства.

Лэкли – собственник и издатель «Saint Georges Gazette» – уже несколько раз переходил от традиционной сдержанности тона в резкости новейшей журналистики. А в этот вечер он пошел еще дальше по этому пути и заявил в статье под сенсационным заглавием, что в этом будто бы совершенно невинном пограничном инциденте дело идет вовсе не об одном антагонизме рас. Это, по его словам, первые робкие попытки осуществить давно составленный и подготовленный русскими план, который постепенно созрел вследствие «вялой политики» современного британского правительства.

Впечатление статьи было очень сильное и очень различное на равных людей. Члены оппозиции усматривали важность статьи в чрезмерном, явно напускном спокойствии на министерских скамьях; правительство же с своей стороны не могло отделаться от неопределенного чувства, что вспыхнувший интерес оппозиции к пограничному инциденту предвещает, недоброе. Все эти различные ощущения создавали наэлектризованную атмосферу, не проявляясь, однако, ни в каких осязательных фактах. Палата продолжала заниматься текущими делами до половины двенадцатого вечера – и тогда только внесено было предложение перенести продолжение занятий на следующий день.

Первым вскочил со своего места Джон Чилькот, депутат от Ист-Варка. Он быстро выбежал из парламента в каком-то почти бессознательном состоянии. Увидав вдруг полицейского, который стоял под сводом большого двора с неподвижно-спокойным лицом, Чилькот инстинктивно хотел свернуть с своего пути, как бы боясь, что нарушится ход его мыслей, если он услышит чужой голос; во он сдержал свой, нервный порыв и заговорил первый.

– Какой туман! – сказал он с напускным спокойствием.

– Да, туманно; к западу все больше заволакивается, – ответил полисмен.

– Да? – неопределенно ответил Чилькот. Бодрый голос полисмена раздражал его, – и он уже во второй раз замечал в себе такую болезненную раздражительность. Не глядя больше на полицейского, он прошел через двор и вышел в ворота. В клубящемся тумане сверкнули ему навстречу огни двух фонарей, как глаза большой кошки, и обычное: «Кэб, сэр?» – смутно прозвучало в его ушах. Он остановился, уже направился было к дверце кэба, как вдруг у него промелькнула другая мысль.

– Нет, – быстро сказал он, – нет, – а лучше пойду пешком.

Кучер что-то пробормотал, щелкнул бичом, и коляска покатилась дальше под звон копыт.

Чилькот тем временем перешел с бесцельной поспешностью через улицу по направлению в Уайтголю. Там туман был еще более густым, так что едва можно было различить ближайший уличный фонарь. Но Чилькот продолжал быстро идти дальше. Зоркий наблюдатель обратил бы внимание на его странную походку: хотя он шел, казалось бы, очень уверенно, но весь вздра-

гивал при малейшем шуме, при малейшем прикосновении, как человек с болезненно- напряженной нервной системой.

Он продолжал идти и дальше с той же поспешностью, не замечая, что с каждым шагом мрак вокруг него сгущается, становится более влажным и осязательным, что пешеходы с каждой секундой все чаще наталкиваются друг на друга и слова проходящих людей звучат все непонятнее, все более неясно. Вдруг он понял, что тем временем произошло, и сразу остановился.

Он совершенно неожиданно попал в густой туман – в такую непроницаемую завесу, что человеческие фигуры, которые вот только-что еще виднелись хоть смутными тенями, теперь рассеялись в ничто, как бы стертые рукой волшебника; темнота точно всосала в себя свет уличных фонарей. В первую минуту на Чилькота напал панический ужас от сознания полного одиночества. Затем его охватил нервный страх перед собственной рассеянностью, которая завела его так далеко. Он прошел немного вперед, потом остановился в нерешительности. Но у него явилось мучительное сознание, что бездействие хуже всего, и он поэтому опять пошел вперед, широко раскрыв глаза и вытянув руку вперед, чтобы ощупывать путь. Туман густо замкнулся перед ним и позади него, и отрезал всякую возможность к отступлению. Он только слышал в темноте вокруг себя смутный гул голосов – веселых, неуверенных, боязливых, сердитых. Временами его касалась чья-нибудь рука. Странная это была минута, таившая в себе самые разнообразные возможности; в странном хаосе звуков непрерывно сливались шум грохочущих колес, ругань и смех.

Чилькот держался левой стороны и пытался идти дальше. Движения его были порывисты, пугливы – на него напал непонятный страх среди этого одиночества, наполненного несчетными звуками. Сначала он тщетно нащупывал руками что-нибудь твердое; наконец, пальцы его прикоснулись к чему-то холодному – к спущенным железным ставням магазинной витрины. Это его успокоило. Он, как слепой ухватился за эту опору, стараясь как можно скорее продвигаться вперед. Так он прошел шагов двенадцать, и тогда случилось неминуемое: он наткнулся на человека, шедшего навстречу ему.

Стукнулись они самым непредвиденным образом; при этом оба выругались и затем рассмеялись. В этом не было, конечно, ничего необычайного, но Чилькот был в таком настроении, что самое будничное становилось для него непостижимым. Восклицание и затем смех незнакомца подействовали на него удручающим образом:– ему казалось, что из темноты эхо повторяет его же собственные слова. Конечно, из десяти человек в Лондоне девять – если взять людей одинакового воспитания и одинакового общественного класса – выразили бы свою досаду или свое удивление в той же самой форме, вероятно даже тем же тоном голоса. Чилькот понимал и это среди своего нервного возбуждения.

– Дьявольский туман! – сказал он громко. – Я пробую попасть на Гровнор-Сквер, но, кажется, мои шансы на успех невелики.

Незнакомец опять засмеялся, и смех его снова смутил Чилькота. Он пугливо спрашивал себя, не жертва ли он обмана чувств; но незнакомец начал говорить прежде, чем он смог распутаться в своих ощущениях.

– Да, ваши шансы не особенно велики, – сказал он. – Даже если бы собраться к черту, то в такую ночь не легко найти к нему дорогу.

Чилькот что-то пробормотал и придвинулся ближе к магазинной витрине.

– Да, да, – сказал он. – В такую погоду, в такой темноте, начинаешь понимать, что слепым, при распределении вечного блаженства, должно достаться больше, чем нам. Ведь это повторение тумана, бывшего шесть лет тому назад. Выходили вы тогда на улицу?

У Чилькота была привычка непосредственно перескакивать с одной фразы на другую, – привычка эта сказывалась в последнее время особенно часто.

– Нет. – Незнакомец тем временем тоже пододвинулся к магазину. – Шесть лет тому назад я не был в Англии.

– И не жалеете, что не были. – Чилькот поднял воротник. – Ужасный был тогда туман, – такой же черный, как вот сейчас, но еще более расплзшийся во все стороны. Я отлично помню, как это было. В тот вечер как раз Лексингтон произнес свою большую речь о сахаре. Многие еще в три часа ночи бродили по Ламбет-Бриджу, – а из парламента мы ушли в полночь.

Чилькот редко предавался воспоминаниям; но эта беседа с невидимым спутником казалась ему как бы разговором с самим собой. Когда раздался ответ на его слова, Чилькот даже не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от изумления.

– Речь о сахаре, – сказал незнакомец. – Странно, что я как раз вчера ее перечитывал. Удивительно много красноречия по поводу такого сухого предмета. Какую огромную карьеру мог бы тогда сделать Лексингтон!

Чилькот передвинулся, устав стоять на одном месте.

– Вы, очевидно, интересуетесь возней в Вестминстере? – спросил он с легким оттенком сарказма.

– Я? – уклончиво ответил незнакомец. – Я читаю, как и остальные пять миллионов населения, газету – вот и все. Я далек от политики. – В голосе его звучала сухость; прежнее его воодушевление как-то сразу исчезло.

– Далеки от политики! – повторил Чилькот. – Завидно...

– Может быть, – для тех, которые стоят в самом центре её. Но вернемтесь к Лексингтону. Как высоко этот человек поднялся – и какое ошеломительное падение! Удивительное дело – во всех нас есть точно какие-то дрожжи, которые поднимают каждого на равную высоту. – Он на минуту замолчал и задумался. Потом снова раздался из темноты его голос: – Какая же была собственно причина его падения? – вдруг спросил он. – Алкоголь или какое-нибудь другое искусственное средство возбуждения? Мне уж давно хотелось узнать правду.

Чилькот опять переменял позицию.

– Стоит ли узнавать правду? – спросил он небрежным тоном.

– В том случае, когда человек занимает общественный пост, несомненно стоит. Его частная жизнь сливается ведь с интересами масс. Если он позволяет заглядывать в причины своего успеха, то зачем скрывать причину поражения. Что-ж его погубило, – алкоголь?

– Нет, – ответил Чилькот, несколько погодя.

– Другие наркотические средства?

Чилькот опять не сразу ответил, и в то время как он стоял в раздумьи, его коснулось платье женщины, которая громко и нагло рассмеялась, завидев его. Звук её голоса неприятно поразил его.

– Так он, действительно, отравлялся наркотическими средствами? – спросил незнакомец легким тоном. – Я всегда так и думал.

– Да, он принимал морфий. – Ответ вырвался у Чилькота почти бессознательно, под влиянием смеха проходившей женщины, а также под гипнозом спокойных расспросов незнакомца. Но едва он выговорил эти слова, как быстро оглянулся, точно испугавшись, что на время забыл о соблюдении необходимой бдительности.

Незнакомец задумался, помолчал, но потом опять заговорил очень оживленным тоном.

– Я это подозревал, – сказал он, – но все-таки – даю вам слово – не был уверен. Достигнуть в жизни так много, и все потерять из-за потворства такому низменному пороку! – В голосе незнакомца слышались возмущение и презрение.

– Вы строго судите, – сказал Чилькот с напускным смехом. Но незнакомец снова выразил свое возмущение.

– Я говорю только правду, – сказал он. – Никто не имеет права выбрасывать зря то, за что другой заплатил бы спасением своей души. Это ослабляет доверие к силе личности.

– А вы верите в эту силу? – В голосе Чилькота опять прозвучал сарказм, но уже более слабо, чем прежде.

– Конечно, сила личности – результат работы над собой, минувших или длящихся усилий. Людей, которые не требовательны к себе, я не уважаю.

Спокойное презрение этих слов раздражало Чилькота.

– А вы полагаете, что Лексингтон не боролся прежде, чем сдаться? – горячо спросил он. – Имеете ли вы представление о мучительной борьбе такого человека, когда то, что было прежде рабом, становится над ним господином? – Он остановился, чтобы передохнуть; ему казалось, что незнакомец что-то бормочет недоверчивым тоном. – Вы думаете, что морфий доставляет удовольствие? – продолжал Чилькот. – Вернее будет, если вы его назовете тираном, который мучит дух, когда ему служишь, и мучит тело, когда от него отстаешь.

Под гнетом темноты и вследствие продолжающегося молчания его спутника, он просто не мог продолжать дальше. В эту минуту он не был Чилькот, депутат от Ист-Варка, рассеянность и молчаливость которого вошли в поговорку, – теперь он был человеком, которому хотелось высказать все, что у него на душе, и он продолжал:

– Вы говорите как все, ничего не зная и веря только себе. Прежде чем осуждать Лексингтона, вы бы попробовали быть на его месте.

– Как вы? – со смехом спросил незнакомец.

Хотя смех прозвучал совершенно невинно, он все-таки встревожил Чилькота. Его опять обуял страх, и он вздрогнуть.

– Я... – он хотел тоже засмеяться, но это ему не удалось: – я повторяю только то, о чем читал... Но, кажется, туман редет. Нет ли у вас огня? Можно хоть покурить, если уж ничего не видать вокруг.

Он говорил быстро и несвязно. Мысль, что он выдал себя, беспокоила его в высшей степени; ему хотелось предотвратить все последствия. Говоря с незнакомцем, он стал шарить в кармане, отыскивая порт-сигар. Он искал с нервной поспешностью и вытянул голову далеко вперед. Не поднимая глаз, он почувствовал, как туманное облако, в котором он очутился, поднялось, снова опустилось и опять все окутало, а потом уже стало рассеиваться. Найдя свой порт-сигар, он взял папироску в рот и поднял лицо в тот момент, когда незнакомец зажег спичку. С минуту они поглядели друг другу прямо в лицо, – при исчезающем тумане уже можно было разглядеть черты лиц. Спичка в руке незнакомца догорела до конца и обожгла ему пальцы. Почувствовав боль, он со смехом бросил спичку.

– Однако! – Он не закончил, не находя слов, чтобы выразить свое изумление. По странной игре природы, – она казалась чем-то сверхъестественным, хотя была вполне в порядке вещей, – два лица, которые, наконец, выделялись из мрака, были похожи одно на другое – до полного тождества каждой черты. Каждому из двух людей казалось, что он увидел не лицо другого человека, а свое собственное в безупречно верном зеркале. Незнакомец оправился первый и, увидав, что Чилькот не может выговорить ни слова от неожиданности, пришел ему на помощь.

– Очень странное происшествие, конечно, – сказал он. – Но зачем удивляться выше меры? Не может же природа быть вечно оригинальной. Иногда и у неё иссякает изобретательность. И почему не использовать дважды удачную модель? – Он отошел на шаг назад и посмотрел на Чилькота сбоку. – Ах, простите, – сказал он, – вы все еще ждете огня.

Чилькот продолжал еще держать папироску во рту. Бумага уже засохла, и он слегка помо-чил ее языком, наклоняясь к своему собеседнику.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказал он. – Я сегодня слегка возбужден... нервы не в порядке. Правду сказать, – моя фантазия подшутила надо мной в густом тумане. Я вообразил, что говорю сам с собой.

– И потом *поверили*, что это действительно так? – Незнакомец усмехнулся.

– Да, приблизительно.

Оба помолчали с минуту. Чилькот курил; и потом только, вспомнив про правила вежливости, он повернулся к своему спутнику.

– Не желаете ли и вы покурить? – спросил он.

Незнакомец взял папиросу из протянутого ему порть-сигара. В это время Чилькоту еще больше бросилось в глаза их необыкновенное сходство. Он невольно протянул руку и коснулся руки своего собеседника.

– Это у меня все нервы, – сказал он как бы в оправдание себе. – Мне нужно убедиться, что вы действительно стоите передо мной во плоти. Нервы иногда могут сыграть с человеком плохую шутку. – Он принужденно засмеялся.

Собеседник его поднял глаза. Лицо его в эту минуту выражало удивление и, вместе с тем, некоторое презрение, – но он поспешил принять выражение вежливого участия.

– Я к сожалению ничего не понимаю в нервности, – сказал он.

Чилькот смутился. Потом его мысли направились в другую сторону.

– Сколько вам лет? – спросил он вдруг. Любопытство, направленное на несущественные подробности, было одной из его характерных черт. Незнакомец не сразу ответил. Наконец он медленно спросил:

– Вы хотите знать мой возраст? Мне минет тридцать шесть лет... завтра.

Чилькот быстро поднял голову.

– Почему вы это говорите таким странным тоном? – спросил он. – Я только на шесть месяцев старше вас, но хотел *бы*, чтобы разница между нами была в шесть лет. Шесть лет ближе к забвению всего...

Снова в глазах незнакомца мелькнуло презрение. – Забвению? – повторил он. – А ваши цели и стремления? Чем занято ваше честолюбие?

– Оно ее существует.

– Не существует? Ведь вы представляете вашу родину в парламенте? К этому выводу, по крайней мере, я пришел во время нашей беседы в тумане.

Чилькот саркастически засмеялся.

– Когда в течение шести лет приходится возвышать голос в интересах своей родины, то в конце концов наступает хрипота, – это совершенно естественно.

Тот улыбнулся. – Ага! – сказал он:– недовольство. Модная болезнь! Впрочем, мне пора дальше. Спокойной ночи. Дадим друг другу руки, чтобы убедиться, что мы оба действительно существа из плоти и крови.

Чилькот молча слушал незнакомца. Самоуверенность и сильно выраженная индивидуальность незнакомца произвели на него сильное впечатление. Но когда он замолчал, Чилькот быстро подошел к нему, возбужденный нервным любопытством.

– Неужели мы только увидели и окликнули друг друга, как корабли в ночи, и потом уплыдем каждый в свою сторону? – порывисто спросил он. – Если природа действовала настолько необдуманно, что свела оригинал и копию, то она должна отвечать и за последствия.

Незнакомец отрывисто засмеялся.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Наши пути широко расходятся. Вам от меня будет мало прока, а мне... – Он остановился и опять отрывисто засмеялся. – Нет, – прибавил он, – я бы на вашем месте удовольствовался этой единственной встречей – и проехал бы мимо. Знакомство с человеком, не имеющим успеха в жизни, не представляет никакого интереса. Попрощаемся лучше навсегда и разойдемся.

Он подержал руку Чилькота в своей, потом сошел с тротуара и направился через улицу к Стрэнду.

Это все совершилось в одну секунду. Но в то время как он уходил, у Чилькота было странное чувство: ему казалось, что он что-то потерял. С минуту он стоял в нерешительности. Он снова ясно ощутил неприятную близость чужих лиц и неведомых голосов. Вдруг им овла-

дело другое решение: он быстро повернулся и бросился вслед за высоким, стройным человеком, так комично похожим на него.

Он настиг незнакомца на полпути через Трафальгар-Сквэр. Он стоял на одном из маленьких каменных островов, о которые разбивается поток уличного движения, и ждал возможности перейти через улицу. При ярком свете фонаря Чилькот впервые заметил, что платье незнакомца, при поразительной аккуратности, было, однако, очень поношенное. При том открытии он почувствовал нечто более сильное, чем только изумление. Представление о бедности как будто не вязалось с самоуверенностью, сдержанностью и сильной индивидуальностью незнакомца. С несколько смущенной торопливостью, Чилькот сделал шаг вперед и коснулся его руки.

– Послушайте, – сказал он, когда незнакомец обернулся к нему. – Я пошел нагнать вас, чтобы предложить обмен карточками. Ведь никакого вреда от этого не произойдет ни для одного из нас, а я – я хотел бы несколько ближе познакомиться с моим вторым «я». – Он нервно засмеялся, вынимая свою визитную карточку.

Незнакомец молча поглядел на него. Во взоре его опить промелькнуло едва заметное недоверие, но вместе с тем в нем отразился и некоторый интерес; а глаза его переходили от пальцев Чилькота, нервно вынимающих карточку, к его бледному лицу с энергичным подбородком, прямым ртом и нависшими над серыми глазами прямыми бровями. Когда, наконец, ему протянута была карточка, он ее безмолвно взял и сунул в карман.

Чилькот посмотрел на него с какой-то жадностью:

– А ваша карточка? – сказал он.

Незнакомец несколько времени не отвечал, потом рассмеялся.

– Могу вам дать, если хотите. – Он поискал в жилетном кармане и дал карточку. – Вам мое имя ничего не скажет, – прибавил он. – Имя неудачника никого не может интересовать. – Он опять полу-иронически рассмеялся, потом спустился с островка и исчез в толпе.

Несколько времени еще Чилькот смотрел на место, с которого исчез незнакомец. Потом он поднял карточку к фонарю и прочел имя:

«М-р Джон Лодер, 13, Клифордс-Инн».

II.

На утро после этой туманной ночи Чилькот проснулся около девяти часов, как-раз в тот момент, когда его слуга Ольсоп прошел на кончиках пальцев через комнату и поставил поднос с утренним чаем на столике у постели.

Несколько минут Чилькот продолжал еще лежать с закрытыми глазами. Сознание необходимости открыть их с утра, – твердо зная, что именно он увидит, когда откроет их, – давило ему веки нестерпимой тяжестью. Тяжелая спущенные портьеры, плотно закрытые ставни, большая комната с пышной обстановкой и строгим сочетанием красок, все странное на-строе-ние туманной лондонской зимы и, главным образом, молчаливая, почтительная и почтенная фигура Ольсопа – все это внушало ему полный ужас. Он пролежал еще с минуту, не подавая виду, что проснулся; он видел, как осторожно ступал Ольсоп. Потом пришло неизбежное:

– Девять часов, сэр!

Он открыл глаза, что-то пробормотал и опять опустил глаза.

Слуга подошел к окну, медленно раздвинул драпри и раскрыл наполовину ставни.

– Надеюсь, сэр, что вы сегодня лучше спали, – мягко сказал он.

Чилькот натянул одеяло на голову, чтобы защититься от дневного света, хотя и очень бледного в туманное зимнее утро.

– Да, лучше, – ответил он. – В первый раз меня не душили кошмары. – Он вздрогнул, вспоминая о прежних ночах. – Да не говорите вы лучше об этом, не напоминайте мне! Терпеть не могу, когда говорят все об одном и том же!

Он сказал это очень неприятливо. У него часто проявлялась детская раздражительность в разговоре о самых безразличных мелочах.

Ольсоп безмолвно выслушал его раздраженный ответ. Он прошел через всю комнату и сложил в порядке платье своего господина. Это опять послужило для Чилькота предлогом, чтобы рассердиться.

– Да это черт знает что такое! – воскликнул он. – Надоело мне это вечное повторение одного и того же. Я уже ясно представляю себе, как вы в день моих похорон аккуратно приготовите мой саван. Бросьте все это и приходите через полчаса!

Ольсоп пристально поглядел на лицо Чилькота, почти исчезавшее в большой кровати. Потом он отложил сюртук, который держал в руках, и направился к двери. Уже взявшись за ручку, он еще раз обернулся.

– Прикажете подать завтрак сюда, сэр, или сойдете вниз?

Чилькот натянул одеяло плотнее на плечи.

– Где угодно... нигде! – крикнул он. – Мне все равно.

Ольсоп тихо удалялся.

Когда Чилькот остался наедине, он сел в постели и поставил поднос с чаем на колени. Ему, очевидно, было трудно до боли сделать это движение. Он вынул платочек из-под подушки и вытер пот с лица; потом он поднял руку и, держа ее против света, стал разглядывать. Рука имела вялый вид и слегка дрожала. Он нервным движением поставил поднос на стол и соскочил с кровати. Быстро пройдя через комнату, он остановился у шкапа в стене и открыл дверцу. Оглянувшись вокруг себя, он протянул руку в глубину одной из полок. То, что он искал, было, очевидно, не трудно найти; он сейчас же отдернул руку, пошел от шкапа к столику подле камина и поставил на него пузырек с маленькими белыми лепешками. На столе стоял графин с виски, сифон и кувшин с водой. Он налил в стакан воды, прибавил немного виски, откупорил пузырек, боязливо оглянувшись на дверь и потом с нервной торопливостью опустил нужное число лепешек в стакан.

Пока лекарство растворялось, он оперся одной рукой об стол и стал глядеть на пол, очевидно стараясь преодолеть свое нетерпение. Едва лепешки растворились, как он уже схватил стакан и опустошил его одним глотком. После того он снова спрятал пузырек в шкаф и с легкой дрожью слова скользнул в постель.

Когда Ольсоп вернулся, Чилькот сидел, опершись на подушки; чашка с чаем стояла пустая на столике, и он держал во рту папироску. Раздражительность его исчезла. Он уже не так нервно двигался, глаза его блестели и бледное лицо имело более здоровый вид.

– Да, да, Ольсоп, – сказал он, – бывают разные минуты в человеческой жизни... Не все делается, как хочешь.

Ольсоп не стал поддерживать этот разговор и только сказал:

– Я приказал подать завтрак в маленькой столовой, сэр.

* * *

Чилькот завтракал в десять часов. Аппетит его был всегда очень слабый, а по утрам он совсем ничего не мог есть. Он положил немного рыбы себе на тарелку, но не дотронулся до неё. Потом он выпил две чашки чая, отодвинул стул, закурил свежую папироску и взял утреннюю газету. Он дважды развернул ее, дважды перевернул листы. Нерешимость сосредоточиться на определенной мысли парализовала его. Действие лепешек морфия сказывалось в большей твердости руки и взгляда, в укрепившейся власти над обостренной чувствительностью; но результаты были очень незначительны и непродолжительны. То время – шесть лет тому назад, – когда лепешки ободряли его ум, усиливали ясность понимания, укрепляли равновесие мыслей и действий, – это время отошло в прошлое. С ним случилось то же, что было, по его словам, с Лексингтоном: и в его жизни раб превратился в господина.

Когда он опять сделал усилие, чтобы, наконец, возбудить в себе интерес к газете, открылась дверь и вошел его секретарь.

– С добрым утром, – сказал он. – Простите, что я явился так рано.

Это был молодой человек лет двадцати-трех, с непринужденными манерами и очень живыми глазами. Его почтительность и предупредительность – он относился к Чилькоту, как к человеку, уже достигнувшему того, к чему он только стремился, – забавляла обыкновенно Чилькота, но иногда и тяготила его.

– Здравствуйте, Блессингтон, – сказал он. – Что опять произошло?

Он, по привычке, вздохнул и закрыл лицо рукой, ограждаясь от солнечного луча, который неожиданно проник через туманный воздух.

Молодой человек усмехнулся.

– Дело идет о контрактах по рубке леса, – сказал он. – Вы обещали мне заняться этим делом. Ведь вы уже целую неделю медлите, а Крэк и Бернадж слезно молят дать ответ. – Он подошел к столу и положил бумаги, которые принес, на столик подле Чилькота. – Я очень жалею, что должен вас побеспокоить, – прибавил он. – Надеюсь только, что нервы у вас сегодня в порядке.

Чилькот перебирал бумаги. Когда Блессингтон заговорил о нервах, он поглядел на него с подозрением, но невинное лицо секретаря успокоило его.

– Нет, – сказал он, – мне лучше. Я вчера вечером успокоил нервы бромом. Я ведь знал, что туман свалит меня с ног, если я не приму мер предосторожности.

– Я очень рад, что вам лучше, хотя все-таки лучше бы не брать брома. К нему можно привыкнуть, и это опасно. Что касается того дела в Варке, то хорошо бы заняться им теперь, если вы ничего против этого не имеете.

Чилькот провел рукой по бумагам.

– Выходили вы вчера на улицу, Блессингтон? – спросил он.

– Нет, я ужинал с знакомыми в «Савой-отеле», и мы пропустили час тумана. К тому же, кажется, он был очень густой в отдельных местах.

– Да, кажется.

Блессингтон поправил свой изящный галстук. Он был очень учтив, но у него было сильно развито чувство долга.

– Простите, м-р Чилькот, – сказал он. – Нельзя ли поговорить о контракте. Мне неприятно надоедать, но...

– Ах, да, контракт. – Чилькот взглянул на него, думая о другом. – Кстати, не видали ли вы вчера мою жену? Что она делала вчера вечером?

– Я пил чай днем у м-сс Чилькот. Она говорила мне, что будет к обеду у леди Сабинет, и что до того должна сделать еще несколько визитов. – Он покосился на бумаги и на неподвижную руку Чилькота.

Чилькот засмеялся.

– Ева, однако, очень любит светскую жизнь, – сказал он. – Я бы не мог обедать у Сабинетов, если бы даже это дало мне пост премьеры. У них ужасный мэтр д'отель, какое-то фамильное наследие. Он неимоверно толст и громко сопит. Когда я в последний раз у них завтракал, меня преследовало потом во сне воспоминание о нем.

Блессингтон весело усмехнулся.

– Мисс Чилькот не боится дурных снов, – возразив, он. – Но если вы мне позволите заметить вам...

Чилькот забарабанил пальцами об стол.

– Да, Ева не боится дурных снов, – сказал он. – В этом пункте мы с ней не сходимся.

Блессингтон старался скрыть свое нетерпение. Он несколько минут стоял неподвижно и глядел на свои сапоги с остроконечными носками.

– Простите, м-р Чилькот, я все-таки позволю себе напомнить вам...

Чилькот поднял голову недовольным движением.

– Черт возьми, Блессингтон! – воскликнул он. – Не ужели меня никогда не оставят в покое? Неужели я не могу сесть за стол без того, чтобы мне не подсовывали какую-нибудь работу? Вечно работать!.. За последние шесть лет я ни о чем другом не слышу, как о работе. Уверяю вас, бывали минуты... – Он вдруг вскочил и подошел к окну. – Бывают минуты, когда я готов был бы послать все в черту!

Блессингтон испугался его горячности и осторожно подошел к нему.

– Но ведь не вашу политическую карьеру?

Чилькот колебался с минуту, борясь против желания, которое уже месяцами наполняло его. Ему хотелось высказаться, но вопросительное, недоверчивое выражение на лице Блессингтона леденило его, и он опять погрузился в молчание.

– Ну, конечно... я не про это, – пробормотал он. – Молодые люди слишком торопятся делать заключения, Блессингтон...

– Простите. О том, чтобы вы отказались от вашего политического положения, я и не думал. Помилуйте, все бы эти Рикшо, Вэли, Крешемы, весь промышленный Варк вас бы со свету сжил, если бы оказалось нечто подобное, – в особенности теперь, в виду слухов о Персии. Кстати, как по-вашему, есть что-нибудь фактическое в этой хоросанской истории? «Saint Georges Gazette» писала вчера в довольно резких выражениях.

Чилькот подошел снова к столу. Лицо его было еще совсем бледное от пережитого волнения, и пальцы взволнованно забарабанили по развернутой газете.

– Я не видел «Saint Georges», – поспешно ответил он. – Лэкли сейчас становится на дыбы, когда речь заходит о России. Но придется ли нам выступить – это вопрос другой. А что это, почему вы заговорили о Крэке и Бернадже? Вы что-то сказали о договоре, кажется?

– Об этом вам не стоит беспокоиться. – Блессингтон заметил дрожание в углах рта и нервную резкость в голосе. – Крэка и Бернаджа я могу урезонить. Если они получают ответ в четверг, то этого совершенно достаточно. – Он начал снова собирать бумаги.

Чилькот удержал его.

– Подождите минутку, – сказал он. – Подождите, я сейчас просмотрю. Мне всегда становится лучше, когда я делаю какое-нибудь дело. Пойдемте в кабинет.

Он прошел через комнату торопливыми шагами. У дверей он остановился.

– Пройдите вперед, Блессиингтон, – сказал он. – А я последую за вами через десять минут. Я хочу сначала просмотреть газету.

Блессингтон поглядел на него с недоверием.

– Ведь вы не забудете, не правда ли?

– Нет, конечно, не забуду.

Блессингтон, видимо, все еще сомневался, но все-таки вышел из комнаты и тихо закрыл за собой дверь. Как только Чилькот остался один, он медленно вернулся в столу, сел и пододвинул стол. Глаза его устремились на белую скатерть – утренняя газета лежала нетронутая. Проходило время. Вошел слуга и убрал завтрак со стола. Чилькот слегка двинулся, но затем продолжал сидеть в том же положении. Когда слуга кончил свою работу, он поправил огонь в камине и вышел из комнаты. Чилькот продолжал неподвижно сидеть.

Понемногу ему становилось не по себе; он поднялся и перешел к камину. Часы, стоявшие на камине, как бы глядели ему прямо в лицо. Он посмотрел на циферблат, вздрогнул и вынул карманные часы. Стрелки на тех и других часах показывали двенадцать. Он нервно наклонился над столом и позвонил. Появился слуга.

– М-р Блессингтон в кабинете? – спросил Чилькот.

– Пять минут тому назад он еще там был.

Чилькот облегченно вздохнул.

– Хорошо. Так пойдите скажите ему, что я ушел, что мне нужно было выйти – по важному делу. Поняли?

– Понимаю. Слушаюсь, сэр.

Не дожидаясь ответа слуги, Чилькот прошел мимо него и вышел из комнаты.

III.

Выйдя из дому, Чилькот продолжал идти быстро и без цели. На воздухе ему снова ясно вспомнилось приключение минувшей ночи. С момента пробуждения воспоминание это его мучило, и при ясном дневном свете оно представилось его взору с полной осязательностью. Все случившееся казалось ему маловероятным, но это ничего не меняло; факт оставался на лицо. Чилькот был в том же пальто, как и накануне, – он невольно опустил руку в карман и вынул карточку вчерашнего незнакомца.

«М-р Джон Лодер». Он, идя дальше, повторял это имя в такт своим шагам. Кто этот Джон Лодер? Что он такое? Этот вопрос мучил его, и он бессознательно ускорял шаги. Факт, что два похожих до смешного друг на друга человека живут в том же городе, не зная о существовании друг друга, казался неразрешимой загадкой. Его это положительно мучило. В непонятном сходстве ему чудилась даже какая-то опасность. Он начал жалеть о настойчивости, с которой навязал свою карточку незнакомцу. Он жалел также, что неосторожно распространился о Лексингтоне. При воспоминании о том, что он говорил и что мог бы еще сказать, его бросало в жар и в холод. Наконец, он остановился впервые после того, как вышел и оглянулся вокруг себя.

Выйдя из дому на Гровнор-Сквэре, он шел по направлению к западу и быстро дошел до Марбл-Арч. Не обращая внимания на окружающее, он пошел по Эджвер-Роду и попал в лабиринт мелких улиц за Падингтоном. И тогда только он с изумлением заметил, как далеко зашел. Сырые обрывки тумана висели еще с минувшей ночи, как липкая завеса, на выступах домов. Ничто не нарушало однообразной окраски, нигде не видно было никакой зелени, все было спокойно, уродливо, запущено. Но на Чилькота убогость улиц производила успокаивающее впечатление. Среди этих жалких домов, среди пешеходов, занятых каждый своим делом, он чувствовал некоторое облегчение. Если человек остановится на фешенебельных улицах, занятый своими мыслями, на него тотчас же обратится множество наглых, пытливых взоров. А тут можно было стоять хоть целых полчаса, и никто не обращал внимания. Обрадованный этим, Чилькот пробродил еще целый час, переходя с улицы на улицу то медленными, то ускоренными шагами, – смотря по ходу мыслей. Наконец, он прервал это блуждание и зашел в маленький ресторан.

Помещение было низкое и грязное, в воздухе было душно и чадно – пахло плохо приготовленной пищей. Чилькот вошел туда без малейшего отвращения и без скрытой осмотрительности, с которой входил обыкновенно к себе домой. Станным образом он чувствовал себя свободнее в этой чуждой мелкой обстановке, чем в собственном кругу, где на нем тяготело столько обязанностей. Он выбрал место в углу и заказал кофе; спрятавшись в полу-тьме, весь окутанный облаками дыма, он сидел и казался самому себе блуждающей безличной частичкой бытия, освобожденной от оков и бесцельно несущейся в блаженной бессознательности. Ему было отрадно это создание его фантазии, – но оно не долго длилось. В последнее время он страдал от мучительной нерешительности во всех поступках и целях, от невозможности сделать какое-либо напряжение, и чувствовал отвращение от малейшего усилия. Он даже не мог закурить второй папироски, – прежнее беспокойство снова им овладело, и он стал нервно двигаться на стуле. Через пять минут, он поднялся, заплатил по маленькому счету и вышел.

На улице он остановился и вынул часы, – у него было еще три часа перед условленным деловым свиданием. Он подумал о том, как употребить эти три часа. За последние пять минут он опять стал бояться одиночества; пустынные улицы стали пугать его своей безотрадной пустотой, которой он до того совершенно не замечал.

В то время как он еще нерешительно обдумывал, что предпринять, медленно проехал мимо него по улице пустой кэб. Вид изящно одетого господина привлек внимание кучера на Чилькота. Он подъехал ближе и стал замедлять ход. Появление кэба невольно вызвало у него в

воображении представление об элегантной жизни. Мысли его с быстротой молнии направились по другому направлению, и он поднял руку. Кэб остановился; он сел в каретку.

– Куда прикажете? – спросил кучер.

– Все равно, – ответил Чилькот, – куда-нибудь к Пэль-Мэлю. – Когда лошадь двинулась, он крикнул через окошечко: – Подождите, я передумал. Поезжайте на Кадоган-Гарденс, 33.

* * *

Они быстро доехали до Кадоган-Гарденс, и Чилькот едва успел опомниться, как кэб уже остановился. Он соскочил, заплатил за проезд и быстро прошел в дом.

– Лэди Аструп дома? – спросил он, когда открылась дверь.

Лакей почтительно отступил и сказал:

– Миледи только-что кончила лёнч.

Чилькот ничего не ответил и вошел в переднюю. Остановившись посреди комнаты, он сказал:

– Не беспокойте миледи. Я подожду ее в белой комнате.

Не обращая более внимания на лакея, он поднялся по лестнице.

В комнате, где он ждал, горели дрова в камине. Огонь вносил уютность в атмосферу январского дня и бросал мягкие красочные отсветы на тяжелые белые драпировки, позолоченную мебель и венецианские вазы, полные белых роз. Он подошел к самому камину и подержал руки над огнем. Потом он опять забеспокоился, стал чувствовать обычное тревожное состояние, обернулся и подошел к дивану, стоявшему неподалеку от огня. На диване – между прозрачным хрустальным шаром и раскрытым романом – лежала в глубоком сне персидская кошка. Чилькот поднял кверху тонко граненый шар и подержал его против огня. Потом он тихо засмеялся, бросил шар на прежнее место и схватил кошку за хвост. Кошка проснулась, потянулась и стала мурлыкать. В эту минуту открылась дверь комнаты. Чилькот обернулся.

– Я ведь сказал, чтобы тебя не беспокоили, – сказал он. – Ты наверное на меня в претензии?

Он сказал это с легким оттенком раздраженности, которая часто примешивалась к его словам. Леди Аструп взяла его за руку ласковым движением и улыбнулась.

– Ничуть я не в претензии, что ты! – медленно ответила она певучим тоном и потом снова улыбнулась. Зоркий наблюдатель подметил бы некоторую искусственность в этой улыбке. Но разве у такого человека, как Чилькот, остается время и способность к наблюдениям, когда дело идет о женщинах! Внешность улыбки была приветливая, и этого было довольно.

– Что ты все это время делал? – спросила она погодя, – Я уже думала, что ты меня совсем забыл. – Она подошла к дивану, взяла кошку на руки и поцеловала ее: – Ну, не очаровательное ли создание? – сказала она.

Леди Аструп очень грациозно повернулась к Чилькоту с кошкой на руках. Ей было двадцать-семь лет, и она все еще имела вид молодой девушки. Линии лица были очень чистые, бледно-золотистый отлив волос придавал воздушность лицу, и её стройная фигура была необыкновенно молода и гибка. На ней было бледно-желтоватое платье, которое очень гармонировало с её нежным цветом лица.

– Ну, а теперь садись и отдохни – или, если хочешь, ходи по комнате. Мне все равно. – Она села на диван и взяла в руки стеклянный шар.

– Это что за новая игрушка? К чему она? – Чилькот поглядел на нее, стоя у камина, в которому он прислонился: Ему самому не было ясно, чем собственно привлекала его Лилиан Аструп. её поверхностность успокаивала его, её непоследовательный эгоизм помогал ему забывать о себе. Она никогда не справлялась о том, что с ним делается. Она никогда не ждала ничего невозможного. Она предоставляла ему приходить, уходить, делать что ему угодно, и никогда

не спрашивала о причинах и целях. Она была обаятельна, грациозна, игрива как кошка;— то, что она может злиться, царапаться, тоже как кошка, не стесняло Чилькота. Иногда он выражал неопределенную зависть в покойному лорду Аструпу. Но едва ли, если бы даже обстоятельства это позволяли, решился бы он стать его преемником. Лилиан была очаровательной подружкой, но годилась ли она в жены — был другой вопрос.

— Что это за игрушка? — спросил он опять.

Она медленно подняла на него глаза.

— Какой ты противный, Джонни! Ведь это моя новейшая страсть.

её обаяние заключалось, между прочим, и в том, что она не могла жить без какой-нибудь игрушки или «страсти». Каждый новый каприз вытеснял старый, но к каждому она относилась сначала с очаровательным искренним увлечением, с той же преувеличенной восторженностью. Все это было, конечно, напускное, — но она так очаровательно позировала, что никто не мог на нее сердиться за это.

— Не смейся, — протестовала она, опустив кошку на землю. — Я брала уроки — по пяти фунтов стерлингов за час — и у очаровательного человека — профессионального учителя. Я была очень усердной ученицей. Конечно, ничего кроме неопределенных туманных явлений я пока еще не видела, но самое главное — именно видеть неопределенное. Остальное придет само собой. Я попрошу Бланш, чтобы она позволила мне прийти в костюме гадалки на её большой праздник в марте, — я тогда буду предсказывать судьбу даже всем вам, скучным политикам.

Чилькот засмеялся.

— А как же это делается? — спросил он.

— Ах, это очаровательно! Садятся за стол и ставят вот этот стеклянный шар перед собой, — объясняла она, смеясь. — Потом берут руки объекта, кладут их на стол и, мягко гладя их, глядят на шар. Так устанавливается «симпатический ток». — Она взглянула на него с неподражаемо невинным видом. — Показать тебе?

Чилькот пододвинул столик к дивану и положил на него руки ладонями вниз.

— Так, что-ли? — спросил он.

Но вдруг он почувствовал какую-то глупую нервность и снял руки со стола.

— Мы в другой раз это попробуем, — быстро сказал он. — Ты мне покажешь как-нибудь. Сегодня я не расположен...

Если даже Лилиан и почувствовала некоторое разочарование, она этого по крайней мере не высказала.

— Бедненький! — мягко сказала она. — Сядь подле меня, — незачем печалиться. — Она указала ему на место подле себя, и когда он тяжело опустился на диван, взяла его руку и нежно погладила ее. её прикосновение подействовало на него успокаивающим образом, и он не отнимал руки. Потом она вдруг отняла руку и воскликнула с легким упреком в тоне:

— Ты прямо возмутительный человек — у тебя уже нет «маникюра». Где же результаты моего воспитания?

Чилькот засмеялся.

— Все забыто, — сказал он легким тоном. Но потом выражение лица и тон его голоса изменились. — Для человека в моем возрасте, — сказал он, — роскошь не имеет цены. Приходится считаться только с общественными обязательствами. Я лично завидую нищему на улице, — ему не нужно бриться, не нужно мыться.

Лилиан высоко подняла брови. Такие чувства превышали её понимание.

— Уход за ногтями ведь дело другое, — сказала она с упреком. — В особенности, когда у человека такие красивые руки. Твои руки и твои глаза прежде всего покорили меня, ты ведь сам знаешь. — Она мягко вздохнула, предаваясь нежному воспоминанию. — Мне казалось таким характерным, что ты не носишь колец, — ведь соблазн был такой близкий. Она взглянула на свои собственные пальцы, сверкавшие драгоценными камнями.

Мимолетное приятное действие от её прикосновения прошло. Чилькот отдернул руку и взял книгу, которая лежала между ними.

– «Под фальшивым флагом», – прочел он. – Конечно, роман?

– Конечно, – ответила она, улыбаясь. – Очень увлекательная история: два человека, которые меняются своими личностями.

Чилькот поднялся и перешел опять в камину.

– Меняются личностями? – спросил он с интересом.

– Да. Один – художник, другой – миллионер. Одному хотелось бы испытать ощущение славы, а другому – ощущение огромного богатства. И они на месяц обменялись ролями. – Она засмеялась.

Чилькот тоже засмеялся.

– Как же они это устроили? – спросил он.

– Да я же говорю, что замысел нелеп. Представь себе, что два человека так похожи друг на друга, что ни друзья, ни прислуга не замечают подмена. Ведь это невозможно.

Чилькот устремил глаза в огонь.

– Да, – сказал он медленно. – Да... это кажется невозможным.

– Конечно, невозможно. Бывают сходства, но уж не такие нелепые.

Пока она говорила, Чилькот сидел, опустив голову; но при последних словах он поднял глаза.

– Знаешь, однако, – сказал он, – я бы все-таки не стал так уверенно утверждать это. Еще недавно я видел двух людей, до того похожих друг на друга, что я... Ты, кажется, не веришь? – спросил он, видя, что Лилиан улыбается. – Ты думаешь, что это была игра моей фантазии?

– Да нет же, милый, вовсе я этого не думаю. Садись и расскажи мне всю эту историю. – Она снова улыбнулась и указала на диван приветливым жестом.

Духовное равновесие Чилькота пошатнулось... В первый раз он почувствовал, что Лилиан принадлежит к той недоверчивой, наблюдательной толпе, которой он всегда остерегался. Под гнетом этого впечатления, он быстро направился к двери.

– Мне нужно в парламент, – сказал он. – Я опять зайду – когда буду в лучшем настроении. Я знаю, что я сегодня несносен. Ты ведь знаешь – мои нервы. – Он подошел к дивану и взял ее за руку, потом прикоснулся на минуту к её щеке рукой. – До свиданья, – сказал он. – Всего хорошего тебе – и твоей кошке. – Эти слова он прибавил шутливо, уже на пороге.

* * *

К вечеру нервное раздражение Чилькота дошло до высшей точки. Целый день он с величайшим усилием сдерживался, чтобы не разразиться нервным припадком; но когда он очутился в зимних сумерках в палате общин, на скамье оппозиции, то почувствовал, что сила сопротивления в нем угасает, что он уже не может бороться с собой. Опасения его оправдались в тот же вечер, когда пришел момент выступить с интерпелляцией против правительства, в связи с устройством новых доков и с бюджетом морского министерства. Тогда он в первый раз убедился, что муки, испытанные им за последние месяцы, привели к наружным, также как и скрытым явлениям разрушения, что ему грозит невозможность продолжать свои профессиональные занятия, что сила воли в нем разбита и характер испорчен.

Это потрясающее для него открытие явилось совершенно неожиданным. В сумерки он еще был сравнительно спокоен, а нервность его выражалась только в том, что он часто поправлял воротник или менял положение. Но когда залу осветили, и он откинулся на своем сиденье с закрытыми глазами, то им овладело мучительное сознание, что он сквозь закрытые веки видит лица на противоположной стороне палаты, что он ясно отличает ряд заспанных, сочувственных наблюдательных глаз. Такого ощущения он никогда прежде не испытывал, но теперь

оно всецело овладело им. Ему казалось, что эти взоры прямо проникают вглубь его глаз; от страха у него выступил холодный пот на лбу. В эту минуту как раз лидер его партии, Фрэд, обернулся к нему, перегнулся через спинку его сиденья и коснулся его колен. Чилькот вздрогнул и открыл глаза.

– Кажется... я... задремал? – смущенно сказал он.

Фрэд улыбнулся сухой любезной улыбкой.

– Это печальное признание для члена оппозиции, – сказал он. – Я хотел с вами видиться уже утром, Чилькот. По-моему, за этим персидским инцидентом все-таки что-то кроется. Вам, крупным коммерсантам, нужно не зевать.

Чилькот пожал плечами.

– Это дело спорное, – сказал он. – Я не верю, что это серьезно. Лэкли поднес спячку к пороховой бочке, но получился только небольшой треск и много дыма.

Фрэд не улыбался.

– А каково настроение в Варке? – спросил он.

– В Варке? – не знаю, право. За последнюю неделю я не знаю, что там делается. У меня столько личных дел и забот...

Он чувствовал себя неловко от пытливых вопросов своего властного единомышленника. Фрэд открыл было рот, как бы собираясь отвечать, потом снова стиснул губы с сдержанным достоинством и отвернулся. Чилькот откинулся назад на сиденье и незаметно провел рукой по лбу. Все его мысли сосредоточены были на одном предмете, – и этим предметом был он сам. Взгляд его направился через весь густо заполненный освещенный зал до стеклянных дверей; он посмотрел на своих коллег, которые сидели одни с равнодушными, другие с внимательными лицами. Потом пальцы его незаметно скользнули в жилетный карман. Обыкновенно он брал лепешки с морфием с собой, но сегодня он их забыл дома. Он это знал, и все-таки продолжал искать, чувствуя физическое недомогание во всем теле от потребности привычного лекарства. Он был совершенно равнодушен ко всему, что происходило вокруг него, и бессознательно приподнялся на половину со своего места. Господин, сидевший рядом с ним, поднял глаза.

– Не уходите, Чилькот, – сказал он. – Рефорд скоро закончит свою болтовню.

Чилькот сел на свое место с чувством облегчения. Очевидно, на лице его незаметны были следы его сильного внутреннего расстройства. Рефорд сел на место. Последовала обычная пауза и затем движение. Потом поднялся Виз, депутат от Сальчестера.

При первых словах оратора, Чилькот стал опять искать рукой в жилетном кармане, и опять глаза его устремились к входной двери. Но перед ним стоял, высоко выпрямившись. Фрэд, и он не двигался поэтому с места.

Он с величайшим усилием вынул свои заметки и стал нервно разглаживать их. Но как он ни вглядывался в листы, исписанные ясным почерком Блессингтона, он не мог сообразить, что там написано. Он взглянул в лицо председателя, затем на лица сидевших на министерской скамье, потом снова откинулся назад. Его сосед заметил это движение.

– Собираетесь с силами для речи? – спросил он.

– Нет, – торопливо ответил Чилькот, – я просто чувствую себя очень скверно. Уже давно мне не было так плохо.

Сосед внимательно посмотрел на него. – Здоровье не в порядке? – спросил он. Признания со стороны Чилькота были большой неожиданностью.

– Нет, но эта постоянная каторжная работа – проклятая долбежка... В то время как он говорил, у него вдруг упали силы. Он забыл своего соседа, свое парламентское положение – все, кроме мучительной потребности, переполнявшей его тело и душу. Он едва сознавал, что делает, когда поднялся, наклонился и прошептал что-то за ухо Фрэду. Фрэд обернулся к нему с пытливым испуганным видом, и несколько раз утвердительно кивнул головой. Через минуту Чилькот удалился с своего места беспокойными, нервными шагами. По дороге с ним загова-

ривали два-три человека, но он почти невежливо отстранил их, направился к выходу и подождал кэб. Поездка на Гровнор-Сквэр была ужасна. Он все время пересаживался с одного угла коляски в другой. Острые внутренние муки усиливались с каждой минутой промедления, от каждого движения. Наконец, он вышел из кэба, подъехав в дому, сошел, чувствуя страшную слабость во всех членах, быстро взбежал по лестнице и прошел в свои комнаты. Он осторожно открыл дверь в спальню и зорко огляделся. Свет был зажжен, но комната была пуста. С нервным возбуждением, которое он с трудом мог превозмочь, он вошел и запер за собой дверь. Потом он кинулся к стенному шкапу, открыл его и взял с полки пузырек с лепешками. Руки его дрожали, когда он ставил пузырек на стол. Мука целого дня, ужас последних часов и конечная катастрофа – все это теперь рвалось наружу. Он распустил большую дозу морфия, чем когда-либо, быстро осушил стакан, прошел наискось через комнату и бросился в платье на постель.

IV.

Для тех, кто живет в Вэст-Энде, Флит-Стрит – пустое имя, также как Клифордс-Инн. И все же Клифордс-Инн примыкает к зданию суда, скрываясь в его глубокой тени, как могила у стены сельского кладбища: такая же зеленая трава, такие же серые камни и так же неслышно замирают шаги прохожих.

Против обведенного решеткой зеленого садика внутри двора стоял дом, в котором жил Джон Лодер. На первый взгляд, здание производило пустынное впечатление дома, занятого только конторами, и где жизнь существует только в дневные часы. Но когда спускалась ночь, зажигались огоньки, то в одном этаже, то где-нибудь в другом, – как маяки трудовых существований, подающих друг другу сигналы. Комнаты, в которых жил Джон Лодер, были в верхнем этаже. Из окон можно было с философским спокойствием глядеть вниз, на верхушки деревьев, забывая про разбитую мостовую разваливающуюся решетку сквэра. На двери висела дощечка с его именем, но она выцвела от времени, и буквы стали тенями самих себя. Весь дом с его пустыми стенами и темными лестницами производил печальное, безотрадное впечатление.

Но при входе во внутрь неприятное впечатление значительно смягчалось. Помещение направо в конце узкого корридора было не слишком маленькое, но очень низкое. Цвет стены, как и дощечки на двери, был грязный, пол был голый, без ковра. Посреди комнаты стоял прекрасный старый стол из времен Кромвеля; на простых полках и на камине стояло несколько очень ценных книг – большей частью политического и исторического содержания. На окнах не было занавесей; на столе стояла обыкновенная рабочая лампа под зеленым абажуром. Видно было, что тут живет человек, у которого мало привязанности к вещам и еще меньше радостей в жизни, человек, который существует потому, что он жив, и который работает потому, что он должен работать.

На третий вечер после туманной ночи, Джон Лодер сидел у письменного стола при свете лампы под зеленым абажуром. На среднем столе стояли остатки скромного ужина; в камине горел небольшой огонь.

После того, как Лодер писал часа два, он отодвинул стул и выпрямил окоченелые пальцы. Потом он зевнул, поднялся и медленно прошелся по комнате. Подойдя в камину, он взял трубку, положенную там, и немного табаку из ящика, стоявшего за книгами. Лицо его было усталое и расстроенное, как часто у людей, которые долго работали над чем-нибудь, совершенно чуждым им по духу. Он растер табак в руках, медленно набил трубку и закурил. В эту минуту внимание его было возбуждено шагами, гулко раздававшимися по лестнице без ковра. Он поднял голову и стал прислушиваться.

Шаги остановились. Он слышал, как кто-то зажег спичку. Посетитель, очевидно, не был знаком с домом. Потом его шаги снова зашаркали и остановились перед дверью Лодера. На лице Лодера выразилось величайшее изумление, и он отложил трубку. Когда незнакомец постучал, он спокойно прошел через комнату и отворил ему дверь. В корридоре было темно, и посетитель невольно отступил, увидав яркий свет в комнате.

– Мистер Лодер? – спросил он. Потом он вдруг смущенно улыбнулся, точно извиваясь. – Простите, – сказал он. – Свет меня слегка ослепил. Я не сразу увидел, что это вы.

Лодер, вопреки своей обычной несообразительности, сразу узнал голос своего странного знакомого, встреченного в туманную ночь.

– Ах, так это вы! – сказал он. – Пожалуйста. – Голос его звучал холодно. Его, видимо, удивляло, что снова воскресло полузабытое событие. И удивление его было, по-видимому, не из приятных. Он медленно подошел к камину, и гость его последовал за ним.

Пришедший имел нервный, возбужденный вид. – Простите, что я являюсь в неподходящий час, – сказал он. – Но мое время не принадлежит исключительно мне самому.

Лодер сделал успокаивающее движение рукой. – Да кто господин своего времени? – спросил он. Это замечание придавало бодрости Чилькоту, и он тоже приблизился к огню. До этой минуты он избегал глядеть Лодеру в лицо. Но теперь он поднял глаза, и опять – как он ни был подготовлен – отшатнулся при виде необычайного сходства. Тут, в бедно обставленной и плохо освещенной комнате, сходство казалось еще более удивительным, чем в таинственном покрове туманной ночи.

– Я прошу прощения, – сказал он. – Мое ощущение чисто физическое, – я невольно выражаю свое изумление.

Лодер усмехнулся. Легкое неуважение, которое Чилькот вызвал у него при первой встрече, теперь еще усилилось, и к нему присоединилось другое ощущение, не совсем для него ясное. Этот человек производил впечатление такой слабости, такого непостоянства, – а между тем он был странной карикатурой его собственного «я».

– Сходство, действительно, поражающее, – сказал он. – Но все же нечего терять из-за него душевное равновесие. Подойдите ближе к огню. Что вас привело сюда? Любопытство?

У камина стояло деревянное кресло. Он жестом указал на него, и потом снова взял в руку дымящуюся трубку. Чилькот исподтишка смотрел на него и сел на указанное место.

– Сходство необычайное, – сказал он, точно не будучи в состоянии расстаться с этой мыслью.

Лодер оглянулся.

– Да, это очень бросается в глаза, – сказал он, и прибавил другим тоном: – Не хотите ли курить?

Чилькот стал вынимать папироску, но Лодер предупредил его и, взяв ящик с камина, протянул ему.

– Это единственная роскошь, которую я себе позволяю, – насмешливо сказал он. – Мои средства позволяют мне только одну какую-нибудь прихоть, и я, кажется, сделал мудрый выбор. Это ведь единственный порок, который не обходится слишком дорого. – Он пылливо взглянул на лицо, так комично похожее на его собственное, зажег свернутую бумажку и передал ее своему посетителю. Чилькот погладил свою папироску и нагнулся вперед. При свете горячей бумаги черты его имели напряженный и выжидающий вид. Но Лодер заметил, что губы его не вздрогнули, как в первый раз, когда он ему предложил огонь для папироски.

– Что вы хотите выпить? Или, лучше сказать, не хотите ли стакан виски? – спросил он. – Ничего другого у меня нет. Роскошь гостеприимства мне, к несчастью, недоступна.

– Я редко пью, – ответил Чилькот, покачав головой. – Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь из-за меня.

– Я выпиваю раз в сутки что-нибудь, – обыкновенно в два часа ночи, когда заканчиваю работу. Одинокий человек должен следить за собой.

– Вы работаете до двух часов?

– До двух, – иногда и до трех.

Чилькот взглянул в сторону письменного стола.

– Пишете? – спросил он.

Лодер утвердительно кивнул головой.

– Книги? – спросил Чилькот, и голос его слегка дрогнул от ожидания.

Лодер горько засмеялся.

– Нет, не книги, – сказал он.

Чилькот откинулся в кресле и провел рукой по лбу. Он едва мог скрыть радость, вызванную словами Лодера.

– В чем же заключается ваша работа?

Лодер отвернулся.

– Не спрашивайте, – коротко сказал он. – Когда у человека есть одна только способность, и эту способность не в чем проявить, то все остальное ни к чему не ведет. Я обрабатываю чужое поле: тяжелый труд и малое вознаграждение.

Он стоял спиной к огню и смотрел своему посетителю прямо в лицо; в его манере держаться была странная смесь гордости, упрямства и безнадежности.

Чилькот опять нагнулся несколько вперед.

– Почему вы говорите о себе в таких выражениях? Ведь вы человек образованный и воспитанный? – Он предлагал эти вопросы, напряженно ожидая ответа.

– Что значит образованность и воспитание? – спросил Лодер со смехом. – Этим в Лондоне мостовые мостить можно. Что значит хорошее воспитание? Придворное платье, которое требуется при представлении королю, – парик и мантия для адвоката. Но разве парик и мантия всегда означают знание дела? Разве придворное платье обозначает и королевскую милость? Нет, воспитание и образование не играют никакой роли. Все дело – в благоприятных условиях. Вы бы должны были это знать.

Чилькот беспокойно задвигался в кресле.

– Сколько горечи в ваших словах! – сказал он.

Лодер поднял глаза.

– Гораздо больше горечи в моих мыслях, – и это хуже. Я один из тех несчастных, которые ждали денег, и потому не выбрали никакой профессии, не избрали себе даже какого-нибудь занятия... у них поэтому нет ничего, за что можно было бы ухватиться при кораблекрушении, – их течение неминуемо выгоняет в открытое море. Я ведь вас ночью предупреждал, что не следует направлять корабль в мою сторону; я – разбитый корабль, который носится по волнам.

У Чилькота вспыхнули глаза.

– Вам, кажется, плохо пришлось от людей? – спросил он. – Проигрались вы в сношениях с другими?

– Другие играли. Я только пострадал от результатов чужой игры.

– И очень?

– Вместо восьмидесяти тысяч фунтов, у меня осталось около восьмисот.

– И как же вы с этим примирились? – невольно спросил Чилькот.

– Мне было тогда двадцать-пять лет, я был полон надежд и очень самонадеян. Но в жизни нет места ни для того, ни для другого.

– А ваша семья?

– Моего последнего родственника я потерял одновременно с моим состоянием.

– А ваши друзья?

Лодер отложил трубку.

– Я ведь уже говорил – мне было тогда двадцать-пять лет. Ведь это все объясняет. Я никогда не думал о том, что будет, – не верил, что перемена денежных обстоятельств может изменить мою жизнь. Словом, мне было двадцать-пять лет. – Он улыбнулся. – Когда выяснилось мое положение, я продал все, оставив себе только стол и несколько книг. Я надел простое платье и отпустил бороду. Потом я положил весь мой капитал в карман и повернул спину Англии, ни с кем не прощаясь.

– На сколько времени?

– Лет на шесть. В это время я объездил половину Европы и добрую часть Азии.

– А потом?

– А потом я опять сбрил бороду, вернулся в Лондон и взял имущество, которое скопил себе.

Любопытство Чилькота не то обижало, не то сердило его. Но Чилькот сидел неподвижно и смотрел на него в упор. Резкая определенность личности Лодера и незначительность достигнутых им результатов приводили его в изумление. Лодер это заметил.

– Вы, очевидно, спрашиваете себя, зачем я собственно явился на свет? – быстро спросил он. – Иногда я сам спрашиваю себя об этом.

При этих словах что-то изменилось в лице Чилькота. Он приподнялся наполовину, потом снова опустился в кресло.

– У вас нет друзей? – спросил он. – Ваша жизнь не имеет для вас никакой ценности?

Лодер поднял голову.

– Я знал, что произведу на вас такое впечатление.

– Так вы совершенно свободный человек?

– Человек, который работает для насущного хлеба, не свободен. Еслибы дело обстояло иначе, я бы, может быть, шел вашими путями – участвовал бы в законодательной и правительственной жизни. Было время, когда мои надежды направлены были в эту сторону. Но мои надежды, также как и многое чисто материальное, относятся уже к прошлому.

Он остановился и посмотрел на своего гостя.

Перемена в Чилькоте обозначилась тем временем еще более резко. Он опять стал мять папироску в руках, брови опустились книгу и губы дрожали от внутреннего волнения. С минуту он сидел тихо, избегая взгляда Лодера; потом он вдруг собрался с духом и посмотрел ему прямо в лицо.

– А что, если бы оказалось, что у вас есть будущее, несмотря на то, что есть и прошедшее?

V.

С минуту царило глубокое молчание. Потом, среди ночной тишины, с трех башен пробило одиннадцать часов, и бой их вызвал отзвуки других башенных часов, громких или слабых, ясных или оглушительно-громких. Чилькот вздрогнул. Точно охваченный неотразимым порывом, он снова заговорил:

– Вы, вероятно, считаете меня сумасшедшим? – начал он.

Лодер вынул трубку изо рта.

– Я не делаю таких быстрых заключений, – сказал он спокойно.

Несколько времени Чилькот смотрел на него молча, точно стараясь угадать его мысли, а потом снова заговорил:

– Послушайте, что я вам скажу. Я пришел сегодня сделать вам одно предложение. Когда вы узнаете, в чем дело, вы прежде всего будете смеяться, – я тоже сначала смеялся. Потом вы – как и я – поймете возможность того, о чем я говорю, и тогда... – он остановился и оглянулся в комнате – и тогда вы согласитесь, как и я...

Он так торопливо говорил, что слова его звучали едва понятно. Лодер невольно взглянул на него с удивлением, но он движением руки побудил его к молчанию. Упрямая решимость отпечатлелась на его лице, как иногда у слабых людей.

– Прежде чем продолжать говорить, я замечу прежде всего, что я не сошел с ума и не пьян. – Он в первый раз взглянул прямо в лицо Лодеру беспокойным взглядом. – Я совершенно трезв... и совершенно в своем уме.

Лодер попытался опять что то сказать, но Чилькот снова остановил его.

– Дайте мне договорить. Вы мне рассказали кое-что из своей жизни. Я теперь расскажу вам про себя. Вы – первое человеческое существо, которому я могу довериться. Вы говорите, что вам другие испортили жизнь, а я – и это еще более непоправимо – имел наибольшие шансы в жизни – и все загубил.

Последовала напряженная пауза. Лодер вопросительно поднял голову.

– Морфий? – спокойно спросил он.

Чилькот повернулся к нему с выражением ужаса.

– Откуда вы знаете?

Лодер усмехнулся.

– Я догадываюсь, – сказал он. – Да это не трудно; вы сами мне все или почти все сказали тогда, во время тумана, когда мы говорили о Лексингтоне. В тот вечер вы были нервно настроены, и я... быть может, одинокая жизнь обостряет в людях наблюдательность. – Он улыбнулся.

Чилькот опустил снова на стул и провел рукой по лбу. Лодер наблюдал за ним несколько времени, потом сказал сухим тоном:

– Почему вы не бросаете этой привычки? Вы еще молодой человек. Бросьте, пока не поздно.

На лице его не выражалось никакого участия, и вопрос его прозвучал резко.

Чилькот взглянул на него. От его упрека он еще больше побледнел и казался очень больным и усталым от возбуждения.

– Говорите хоть до скончания века, – это все равно напрасно, – раздраженно сказал он. – Из этого фазиса я вышел уже, по крайней мере, лет шесть.

– Зачем вы пришли сюда? – сердито сказал Лодер. – Я не умею проливать слез участия.

– Мне слез участия и не нужно. – Чилькот поднялся. Он был еще возбужден, но смог сдержаться. – Мне нужно нечто гораздо более важное, чем участие, и я готов за это заплатить.

Лодер с удивлением посмотрел на него.

– У меня нет ничего, что для вас имело бы цену хотя пяти фунтов, – холодно ответил он. – Вы или заблуждаетесь, или... вы отнимаете у меня время.

Чилькот нервно засмеялся.

– Подождите минутку. Пожалуйста, подождите. Я только об этом вас прошу. Я хотел бы описать вам мое положение, – это легко сделать в нескольких словах. Мой отец родом из Вэстморлэнда. Дед мой был одним из первых людей высшего класса, понявших, что будущность принадлежит торговле. Он поэтому отрубил свою маленькую веточку от большего семейного древа и двинулся на юг в Варк, чтобы там вступить в кораблестроительную фирму. Тридцать лет спустя, он умер главой одной из самых крупных английских фирм, женившись на дочери своего прежнего принципала. Отцу моему было двадцать-четыре года, и он еще учился в Оксфорде, когда ему досталось наследство. Он первым делом отказался от энергичного жизненного направления моего деда и вернулся на прежний путь. Он возвратился на север и возобновил старые семейные связи. Он женился на своей кузине. Когда таким образом восстановился прежний престиж Чилькотов, и он мог поддерживать его деньгами, приобретенными торговлей, он стал служить честолюбивой мечте своей жизни. Она заключалась в том, чтобы стать депутатом консервативной партии от Ист-Варка. Добиться этого было очень трудно, но он все-таки вышел победителем, благодаря и своему личному влиянию, и своим связям. Он был аристократ, но в то же время и опытный деловой человек. Это была комбинация, имевшая большой успех у низших классов. В парламенте он никогда не играл видной роли, но был опорой для своей партии в Варке. Там и до сих пор его имя пользуется большим почетом.

– Вы говорите о Роберте Чилькоте, – сказал Лодер. – Я о нем слышал. Он был прекрасный, честный человек, очень твердый в своих действиях, несколько ограниченный, но ценный член своей партии, благодаря своей выдержанности и стойкости. Вы имеете полное основание гордиться своим отцом.

Чилькот громко рассмеялся.

– Как легко мы судим, – сказал он, – когда речь идет не о нас самих! – Отец мой, может быть, был действительно великолепный человек, но он все таки напрасно оставил мне в наследство свое общественное положение.

Взгляд Лодера выразил удивление.

– Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Когда отец умер, меня выбрали депутатом от Ист-Варка. Вы скажете, что я мог отказаться, если не чувствовал склонности занять это место, – но я вас уверяю, что никак не мог этого сделать. Все местные интересы – политические и коммерческие – зависели от того, чтобы кандидатом был непременно Чилькот. Я поступил так, как на моем месте поступили бы восемь человек из десяти, – я поддался давлению.

– Это было хорошее начало для того, чтобы сделать карьеру.

– В тюрьмах всегда широкие ворота. – Чилькот иронически засмеялся. – Это было шесть лет тому назад. Уже за четыре года до того я приучился к морфию. Но до смерти моего отца я еще сохранял полную власть над собой, – или воображал, что это так. Чувствуя на себе новую ответственность, я в течение первых волнующих стычек политической борьбы почти совсем отказался от морфия. Первые месяцы после моего вступления в парламент я очень усердно работал. Я даже, кажется, произнес речь, за которую на меня стали возлагать большие надежды, как на будущего влиятельного политика. – Он опять презрительно засмеялся. – Я даже женился.

– Да неужели?

– Да, представьте себе. Я женился на девушке девятнадцати лет, воспитаннице одного крупного государственного человека. Это была блестящая партия – в политическом и общественном отношениях. Но брак не оказался особенно удачным; я не был создан для любви. Затем, мне была противна светская жизнь, а кроме того мне надоела работа. Одно только делало мне жизнь сносной – морфий. Через полгода это для меня вполне выяснилось.

– А ваша жена?

– Моя жена ничего об этом не знала – и теперь понятия не имеет. Но политическая жизнь – каторга политической жизни – окончательно меня губит. – Он остановился, а потом снова быстро заговорил, прерывистым тоном: – Вы не представляете себе, какая адская мука всегда сидеть на одном и том же месте, видеть изо дня в день одни и те же лица и при этом постоянно думать о том, чтобы не выдать себя.

– Вы ведь можете когда угодно отказаться от своего места в парламенте.

– Отказаться? Вы считаете это возможным? – Чилькот громко расхохотался. – Вы, очевидно, не имеете представления о партийном гнете в таком месте, как Варк. Уже раз двадцать я собирался бросить все к черту. В прошлом году даже я раз написал конфиденциально Валью, одному из главных тамошних деятелей, и намекнул ему о том, что у меня пошатнулось здоровье. Через два часа после получения моего письма, он уже был у меня в кабинете. Будь я в это время в Гренландии, он с той же поспешностью и решительностью отправился бы за мной туда. – Нет, – выйти из парламента немислимо в моем положении.

Лодер опустил глаза.

– Понимаю, – сказал он медленно. – Понимаю.

– Тогда вы поймете и другое – невозможную трудность, обособленность моего положения. Два-три года тому назад, я еще мог это выносить. Но теперь мне становится тяжелее с каждым месяцем. И наконец должен наступить день, когда... когда... – он стал медлить – когда мне будет невозможно оставаться на моем посту.

Лодер молчал.

– Физически невозможно, – взволнованно повторял Чилькот. – До сих пор я мог до известной степени рассчитывать на себя, полагаться на свои силы. Но вчерашний день был для меня ударом, – вчера я понял, что... что... – он опять запнулся в нерешительности – что уже перешел черту, за которой нельзя полагаться на себя.

Наступило неловкое молчание. Лодер, чтобы скрыть свое смущение, вернулся к камину и начал поправлять огонь, который стал потухать.

Чилькот был сильно возбужден; он пошел за Лодером и стал подле него.

– Ну и что же? – спросил он, опустив глаза.

Лодер опять медленно выпрямился.

– Что же? – повторил он, наблюдая, за своим гостем. – Я могу только сказать, что ваша история очень своеобразна, и что я польщен вашим доверием.

В его голосе послышалась намеренная холодность.

– Вам нечего сказать мне?

Чилькот не заметил этого оттенка в голосе. Он выступил на шаг вперед и коснулся рукава Лодера.

– Я уже не могу полагаться на самого себя, – повторил он. – И я хочу иметь кого-нибудь другого, на кого я мог бы положиться. Я хочу сохранить свое положение в глазах света и все же оставаться свободным...

Лодер невольно отступил на несколько шагов. На его лице презрение еще боролось с изумлением.

Чилькот поглядел на него.

– По удивительной случайности, – сказал он, – вы можете сделать для меня то, чего ни один другой человек на свете не мог бы сделать. Эту мысль внушила мне одна книга: в ней рассказывается о двух людях, обменявшихся своими личностями. Вначале я ничего нужного мне в этом замысле не нашел. Но сегодня утром, когда я после вчерашнего фиаско лежал еще совсем больной в постели, эта мысль овладела мной как откровение. Это может быть, действительно, спасением для меня – и вы можете извлечь из этого пользу. Я вовсе не хочу вас обидеть, – ради Бога, не думайте этого!

Лодер ничего не ответил, освободился от прикосновения Чилькота и подошел снова в письменному столу. В нем боролись гнев, гордость и – против воли – невольный интерес к словам Чилькота. Он сел, оперся руками о стол и охватил голову руками. То, что говорил Чилькот, было явное безумие, – но, после пяти лет благоразумия, безумие его привлекало. Наперекор рассудку, эта мысль завлекала его. Через минуту гордость и гнев отступили, благоразумие снова взяло верх и восстановило равновесие.

– Вы предлагаете мне, – медленно сказал он, – чтобы я – в виду нашего сходства – продал себя, предоставив вам делать что угодно, – и чтобы я сделался вашим заместителем, – куклой в ваших руках.

Чилькот покраснел.

– Вы слишком ясно выражаетесь, – это неприятно.

– Но ведь я верно понял смысл ваших слов?

– В общих чертах верно.

Лодер кивнул головой в знак согласия.

– В таком случае я советую вам пойти домой, – сказал он. – Вы с ума сошли.

Чилькот взглянул ему прямо в глаза, и когда их взгляды встретились, Лодер должен был сознаться, что хотя у собеседника его был взволнованный вид, все же в чертах его не было и следа безумия.

– Я хочу вам сделать одно предложение, – нервно сказал Чилькот. – Согласны вы его выслушать?

Лодер смолк на минуту и задумался. Чилькот воспользовался паузой и снова заговорил.

– В общем то, о чем я вас прошу, очень просто. Я прошу вас взять на себя на неделю или на две мою ежедневную работу – когда я почувствую, что мне необходим отдых, что у меня иссякли силы для борьбы против себя. Моя работа очень легка для человека с вашими способностями и вашим умом, – а плата будет такая, какую вы сами назначите.

В пылу разговора он подошел в самому столу и стал подле Лодера.

– Дайте мне, по крайней мере, ответ. Я ведь сказал вам – я не пьян и вполне в своем уме.

Лодер сердито собирал в кучу разбросанные по столу бумаги.

– Только сумасшедший может сделать такое предложение, – ответил он резво и сухо.

– Почему?

Лодер хотел быстро ответить ему, во странным образом не находил слов.

– Я хочу только сказать, что все это – совершенно невыполнимо.

Чилькот ближе подошел к нему.

– Почему? – повторил он.

– Да это просто немыслимо. Этого нельзя будет провести в течение двенадцати часов.

Чилькот схватил его за руку. – Почему? – допрашивал он:– почему? Назовите мне хоть один неопровержимый довод.

Лодер отстранил его прикосновение и засмеялся, но с некоторым волнением. Вся сцена смутила его обычное благоразумие. Все таки, его конечный ответ прозвучал твердо и решительно.

– Если дело идет о доводах, – сказал он, – то я мог бы назвать их целую сотню, будь у меня время. Представьте себе, что я принял ваше предложение. Я начинаю замещать вас в вашем доме, – скажем, – в обеденный час. Ваш слуга подает мне ваш фрак – вот уже первая возможность подозрения. Этот человек знает вас уже, быть может, много лет, – знает всякую подробность вашей внешности, каждый оттенок вашего голоса, – гораздо точнее, чем вы сами. Нет ничего более зоркого, чем глаз слуги.

– Об этом я уже думал. Я могу переменить слугу и секретаря. Если дело будет решено, то я приму самые решительные меры.

Лодер взглянул на него с изумлением. В этом безумии было больше методичности, чем он воображал себе. Тогда у него явилась другая мысль, и он снова засмеялся.

– Но одно вы забыли, – сказал он. – Вы не можете ведь удалить вашу жену?

– Моя жена не в счет.

Лодер опять засмеялся. – Простите, но я с этим не могу согласиться. Осложнения вышли бы по меньшей мере... по меньшей мере... – Он остановился.

Сдерживаемая раздражительность Чилькота вдруг вырвалась наружу. – Послушайте! – воскликнул он: – все это вовсе не шутка. Не придавайте комичного вида моему предложению. Для меня это глубоко важно.

Лодер ничего не ответил.

– Обдумайте все это еще раз как можно точнее, прежде чем решительно отказать мне. – В голосе Чилькота звучала настойчивость.

Одну минуту Лодер сидел неподвижно, потом он вскочил и отодвинул стул.

– Довольно. Вы не знаете, что говорите. То, что вы женаты, делает всю эту комбинацию невозможной. Разве вы не видите?

Чилькот опять схватил его за руку. – Вы неверно поняли меня, – сказал он. – Положение дел иное, чем вы представляете себе. Я повторяю вам, что мы, моя жена и я, – чужие друг для друга. Она идет по своей дороге, я – по своей. У каждого из нас свои друзья, свои знакомые, свои отдельные комнаты. Брак, как таковой, не существует между нами. Мы иногда встречаемся за обеденным столом, и бываем вместе в обществе, для соблюдения внешних приличий. Кроме этого у нас ничего нет. Если вы заместите меня в жизни, то никто не будет предъявлять на вас меньше прав, чем Ева, – это я вам обещаю. – Он улыбнулся с неуверенным видом.

Лицо Лодера оставалось неподвижным. – Даже если это и так, – ответил он, – то все таки ваше предложение неосуществимо.

– Почему?

– А парламент? Там ведь это невозможно было бы провести. Там люди сталкиваются так же близко, как в клубе.

– Возможно, возможно, – возразил Чилькот с коротким нервным смехом. – Но во всяком клубе есть среди членов какой-нибудь чужак. Я рад, что вы коснулись этого пункта. Я уже издавна напал на мысль разыгрывать человека со странностями, – для прикрытия многого другого. Чем полезнее это для меня, тем чаще я этим пользуюсь. Уверю вас, что если вы завтра сядете в парламенте на мое место и в течение целого дня ни разу не кивнете головой никому, и не скажете ни слова, – то, в виду нашего внешнего сходства, никто не найдет в этом ничего подозрительного. Точно также вы могли бы, замещая меня, внести предложение, голосовать, или даже держать речь, если вам вздумается...

При этом слове Лодер невольно обернулся к нему. На один едва заметный момент исчезла холодность его тона и выражение его лица изменилось. Чилькот заметил эту перемену и оживился.

– Почему же нет? – сказал он. – У вас ведь были мечты, направленные в эту сторону. Почему же вам не осуществить их?

– И потом с вершины упасть... в лужу? – Лодер со смехом покачал отрицательно головой.

– Лучше жить один день, чем прозябать целую жизнь.

Голос Чилькота дрожал от надежды. Он еще раз коснулся руки Лодера. На этот раз Лодер не отстранил его; он даже не заметил прикосновения.

– Послушайте! – Пальцы Чилькота крепче ухватились за него. – Вы говорили прежде о благоприятных условиях, создающих в жизни все. Вот вам открывается теперь случай очутиться в положении, когда можно проявить свое личное влияние. Вы можете осуществить все, о чем прежде мечтали.

Лодер поднял голову. – Это нелепо! – воскликнул он. – Нелепо. Такая комедия немислима.

– В этом – наш главный шанс на успех. Подозрение является у людей только тогда, когда они знают прецеденты. Я вас прошу только обдумать это, – только обдумать. Ведь если есть опасность, то главным образом для меня. По вашим же словам, вам нечего терять.

Лодер засмеялся.

– Обещайте мне обдумать это, и тогда я уйду.

– Нет, не обещаю.

– Телеграфируйте мне ваше решение завтра утром. Я сегодня не принимаю ответа.

– Почему? – спросил Лодер.

– Потому, что я знаю людей, и знаю, что значит искушение. Мы все бываем сильны, пока не коснутся чувствительного места; тогда мы отступаем. У одного это морфий, у другого – честолюбие. В обоих случаях вопрос только во времени. Он иронически засмеялся и протянул ему руку. – Мой адрес ведь есть у вас. До свиданья.

Лодер коротко пожал ему руку. – Прощайте! – сказал он, подчеркивая это слово. Потом он прошел через комнату и открыл дверь. – Прощайте! – повторил он, когда Чилькот прошел мимо него.

Но Чилькот остановился на пороге. – До свиданья! – поправил он.

Лодер держал руку на ручке двери, пока не затихли шаги посетителя. Потом он спокойно запер дверь и оглянулся в комнате. Несколько времени он стоял неподвижно и как бы оценивал предметы, окружавшие его. Потом он медленно подошел к полке, взял книгу под заглавием: «Руководство для парламентских деятелей», сел к письменному столу и поправил свет лампы.

VI.

Все следующее утро Чилькот провел в лихорадочном возбуждении, то возгараясь надеждой, то дрожа от страха. Он брался то за то, то за другое, чтобы провести время, и сейчас же все бросал. Он два раза доезжал до Клифордс-Инна, но каждый раз у него не хватало духу войти; он возвращался на Гровнор-Сквер и там с грустью узнавал, что ответа от Лодера еще нет.

Он был в мучительном состоянии духа, но в общем все-таки состояние его было лучшим, чем раздражение последних нескольких месяцев.

Днем он отправился в парламент и занял свое место. Хотя это было его первое появление после провала, но никто не обратил на него внимания. Он умел, когда хотел, энергично отстранять всякие приставаания; но в последнее время вообще все старались его избегать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.